

БИТВА ГИГАНТОВ

Сею жестокою битвою спасена целость государства, сохранено величие и слава народа, возвращена безопасность и тишина; гордый Фараон познал что Россияне суть язык избранный, люди Божии, и Россия есть страна покровительствуемая небом.

*Преподобный Августин,
управляющий Московской
епархией. 1813 г.*

ПО ЗАВЕТУ ПРЕДКОВ

Сергей Разгонов,
главный редактор альманаха

Поля былых сражений таят в себе сгусток пережитой людьми ярости, боли, страдания. Говорят: «Земля, политая кровью». И это не поэтический образ, не преувеличение — земля бородинская, все ручейки и реки были красного цвета. Запекшейся кровью сверкали на следующее после битвы утро березовые рощицы и перелески...

Была тихая подмосковная земля, неспешная уездная жизнь. И вдруг грянуло: пришла История. Сошлись на поле две неуступчивые силы, стали биться насмерть — биться за исторический Олимп: ведь победителей не судят. Победителям прощают все — им дарована вечная посмертная слава. И никто не задаст вопроса: во имя чего погибло столько людей?

Кто же выиграл в Бородинской битве? Русские или французы? Историки поныне внятно не могут ответить на этот вопрос. И, наверное, не случайно. Потому что у Наполеона и Кутузова был свой ответ: каждый считал победу за собой.

Дело, как говорится, прошлое. Давно примирились наши народы, и символом этого примирения стал бронзовый французский орел в Шевардине «Павшим Великой армии». А мы все ищем ответ на вопрос: кто должен произнести горькое латинское «*Vae victis*», «горе побежденным». Кто проиграл? Кто победил?

Великая армия Наполеона показала в этой схватке всю свою мощь, всю красоту войны. Велик был «маленький капрал», смел, удачлив. И как, в самом деле, этому бодрому молодому императору мог противостоять наш грузный и дряхлый Михайло Илларионович? Что же, в России молодых генералов не было? Да хоть Петр Багратион! Но, при всем почтении к этому храбрейшему полководцу, не уверен, что он одолел бы Наполеона.

А вот старик Кутузов одолел — мудростью и здравомыслием, упованием на Божий промысел. Думаю, он и был настоящим победителем на Бородинском поле, потому что не дрогнул, не побежал — устоял под бешеным натиском европейских полков. Ни по какой логике ему бы не стать победителем — дай, Господи, на ногах устоять столько часов, уследить одним глазом за бесовством французов, не оглохнуть от грома сотен пушек...

Конечно, не все часы битвы старик стоял на ногах — чаще сидел на складном походном кресле, но воля его, необъяснимая для его возраста жажда борьбы разносились по войскам бесстрашными адъютантами, которые летали на горячих конях от батареи к батарее, от полка к полку.

Стоять! Стоять под лавиной стальных кирасир, под градом ядер. Сколько штыков, сабель, пик сверкало в рукопашных схватках!.. Час за часом Наполеон с тревогой спрашивал своих генералов: «Что русские?» Он надеялся услышать приятное, привычное: победа близка, еще одно усилие, сир. Но слышал только одно: «Стоять». Тем генеральное дело и кончилось: не обратил в бегство, не разгромил русских Наполеон. Не могло Бородино стать вторым Аустерлицем — не могло потому, что русские дрались здесь не за интересы династии или за богатые трофеи — они дрались и умирали за Отечество. Наполеон не учел этой силы, которая была крепче, чем его старая гвардия. Русские, оказывается, любили свою Родину, свою Москву, свою армию, своего царя. И никак всего этого не хотели уступать супостату. А он, хоть и гений, совершенно не понимал духа той войны: бывало, в Европе — победил, вошел триумфатором в город, устроил бал для местной знати, поболтал со знаменитым поэтом, соблазнил юную красавицу... Здесь — не то. Здесь поэты становятся партизанами, красавицы переодеваются корнетами — и никаких балов! Одни пожары...

Бородино заставило Наполеона содрогнуться. Уверен: он почувствовал, что так просто отсюда не выберется. И хоть имена «Бородино» и «Москва» выложены в победном венке вокруг гроба Наполеона в парижском Доме Инвалидов, эти названия стали прологом Ватерлоо...

Поныне на поле Бородинском, если вслушаться в тишину, слышны звуки того далекого августовского дня, звуки страшного боя: визг картечи, крики атакующих, звонкие голоса командиров, стоны умирающих, храп обезумевших от запаха крови лошадей. Хотя битвы кончаются, никогда эти звуки не замолкают на полях былых сражений. Сотни раз молодая весенняя трава поднималась

над окровавленной землей, все осколки и обломки извлечены из нее, а она все помнит — по часам, по минутам. По именам — и трусов, и героев. Им всем досталась одинаково тяжкая доля. Людская кровь делает землю исторической — она не дает забыть того, что здесь пережили.

Потому-то и волнуют нас — через любую толщу лет — поля былых сражений. Потому писатели разных поколений размышляют здесь о судьбах России, о связи времен. Бородинское поле вдохновило на такие раздумья Льва Толстого, Куликово поле — Александра Солженицына, Прохоровское поле — Валентина Распутина.

Поля русской славы... Здесь побеждало не только наше оружие — наш дух, чувство правоты. И там, где когда-то бились с врагами наши отцы и деды, в свой час рождались музеи — чтобы для новых поколений сохранить картину былых сражений.

Первым актом Памяти на Бородинском поле стало подвижничество Маргариты Тучковой, воздвигшей на месте гибели любимого мужа Храм Спаса Нерукотворного.

26 августа 1839 года по сути стало днем рождения музея Бородинской битвы — в присутствии Николая I на Курганной высоте был открыт монумент в память героев. Около монумента захоронили прах П.И.Багратиона. Император, которого мы в школе называли убийцей декабристов, распорядился построить домик для ветеранов, которые жили прямо на поле, где когда-то сражались, — они должны были и ухаживать за открытым памятником. Живые и мертвые снова были вместе.

Нынешний Военно-исторический музей-заповедник свою родословную ведет от того самого дня, когда Николай I открывал здесь монумент Героям Бородина. То есть музей уже отметил свое 160-летие. И можно сказать, что ветераны, жившие в сторожке около Батареи Раевского, были первыми музейными работниками, основателями главной здешней традиции — верности памяти павших героев.

Традиция эта и поныне определяет стиль работы музея-заповедника и его бессменного, с 1979 года, директора Алисы Дмитриевны Качаловой. Благодаря А.Д.Качаловой и ее помощникам Бородинский музей стал всемирно известным и любимым. Вновь поднялся монумент на Батарею Раевского — тот самый, открытый Николаем I и разрушенный в 1932 году. Восстановлены склеп Багратиона, памятник «Благодарная Россия — своим защитникам», церковь в селе Бородине, Спасо-Бородинский монастырь (сейчас в нем возрождена монашеская община). Сохранено поле в границах 1812 года. Но дело не только в том, что памятники (а их более 300) приве-

дены в образцовый порядок, что здесь проводятся прекрасные выставки, конференции, знаменитые военно-исторические праздники. Главное, наверное, в том, с какой любовью и преданностью делу в музее работают люди. Смело назову их скромный труд подвижничеством. Дух чести, несуетного служения высокой цели, который побуждал людей идти на смерть 26 августа 1812 года, воспринят нынешним коллективом музея как непререкаемый кодекс, как завет предков.

Алиса Дмитриевна Качалова — человек твердый, основательный, дело ведет уверенно, с глубоким пониманием своей ответственности. Уж здесь-то можно было такую показуху развить, таким дежурным патриотизмом прикрыться! Нет, в Бородине работают люди, достойные этого места. Работают по многу лет: Александр Викторович Горбунов, заместитель А.Д.Качаловой, — 20 лет; другой заместитель, Александр Петрович Золотарев, — с 1984 года. 30 лет в музее семейная чета Федоровых. По двадцать лет работают главный хранитель фондов Галина Николаевна Невская, заведующий научно-экспозиционным отделом Виктор Евгеньевич Анфилов, заведующая экспозиционным сектором Елена Васильевна Семенищева, заведующая экскурсионным отделом Галина Сергеевна Слизунова. Все эти люди — авторы нашего альманаха. В их рассказах оживают мгновения великой битвы 1812 года, картины героической обороны Москвы осенью 1941 года — Бородинскому полю суждено было дважды стать полем войны. И, конечно, в статьях — сегодняшняя разнообразная жизнь музея. А музей в Бородине — особенный. Он не похож на музей краеведческие, мемориальные, художественные. Он ведь называется — Военно-исторический музей-заповедник, и главным его экспонатом является большое подмосковное поле площадью 110 км² — широкое Поле деятельности.

Обелиски и монументы с названиями полков и дивизий разбросаны по всему полю вперемешку с окопами и дотами 1941 года. Тишина, покой, память. Просторно, вольно. Забывается повседневная суета, и это состояние выгодно отличает Бородино от Ватерлоо, где вокруг кургана с британским львом — десятки магазинов, закусовых, лавок с портретами Наполеона... Турист попадает в водоворот ярмарки и память о великой битве оборачивается маскарадом...

Уже не за горами 200-летний юбилей Бородинского сражения 1812 года, исполняется 60 лет битве под Москвой. Даты, юбилеи, праздники, которым предшествуют годы труда понастоящему творческого коллектива. Но, к счастью, помогает близость Бородинского поля — вот оно, за окном директорского кабинета...